

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.17223/19986645/52/13

С.Д. Титаренко

Д.Г. РОССЕТТИ И ВЯЧ. ИВАНОВ: ПЛАТОНОВСКИЙ МОТИВ ВОССОЕДИНЕНИЯ ДУШ И ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ПОЭТИКА¹

Статья посвящена исследованию проблемы влияния творчества английского поэта и художника Д.Г. Россетти на поэзию Вяч. Иванова. В центре внимания – стихотворение Иванова «Зеркало Эроса» из книги «Кормчие звезды», источником которого могла быть поэзия Россетти, так как Иванов использует эпиграф из его цикла сонетов «Ивовая роща». Высказывается гипотеза, что сонет «Любовь» Иванова мог быть создан под влиянием поэзии Россетти, имеющей интермедialную природу.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Данте Габриэль Россетти, философия Платона, мотив воссоединения душ, английские прерафаэлиты, русский символизм, Данте Алигьери, философия В. Соловьева, интермедialность, мифопоэтика.

Влияние творчества английского поэта и художника-прерафаэлиты Д.Г. Россетти (Dante Gabriel Rossetti, 1828–1882) на лирику поэта-символиста Вяч. Иванова – малоизученная область компаративистики. Вместе с тем эта тема важна не только для исследования мифопоэтики Иванова и его философии искусства, но и для изучения мотивов русского символизма, которые формируются на пересечении различных традиций. Большой интерес для нашего анализа представляет платоновский мотив воссоединения двух душ в поэзии Россетти и в некоторых стихотворениях Иванова. Этот мотив в системе мифопоэтики символизма был намечен, например, в трудах А. Ханзена-Леве, который обозначил его в раннем символизме как мотив *unio mystica* – мистического единения в «Верховно-Едином» [1. С. 253] и отметил его ключевую роль в мифопоэтическом символизме 1900-х гг., где он становится одним из значимых [Там же. С. 382]. В статье предпринимается анализ традиций мотива воссоединения двух душ в стихотворениях Иванова «Зеркало Эроса» и «Любовь», которые отсылают к сочинениям Платона, Данте, В.С. Соловьева, Д.Г. Россетти и других поэтов. Основная задача – показать оригинальность его воплощения в поэзии русского символиста и значение творчества Россетти для формирования интермедialной поэтики Вяч. Иванова.

Первая книга стихов Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (СПб., 1903), вошедшая в себя стихотворения, создававшиеся в ранний период его жизни и творчества, характеризуется необычностью символических образов, взятых из различных культур и воплощающих метафизические идеи как некие платоновские «сущности». Именно здесь формируется и получает ориги-

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта, поддержанного РФФИ, № 15-34-11047.

нальную трактовку один из наиболее важных для последующих книг лирики Иванова метафизический андрогинный мотив воссоединения и полета двух душ. Тема мистического единения с божественным в поэзии русского символизма восходит к мифу Платона об изначальной андрогинности человека и мифу об Эросе, вобравшим в себя архетипические представления (диалог «Пир»). Она неотделима от платоновского мифа о душе как посреднике между земным и небесным мирами (диалог «Федр») и христианизирована у Иванова на основе религиозно-философских идей «богочеловечества» и «богосыновства»². Как пишет А. Ханзен-Леви, «выдвинутая Соловьевым теургическая идея “богочеловечества” восходит к герметически-гностическому представлению о соединении неба и земли, некой сизигии божественного и человеческого начал, персонифицированной в образах Спасителей мужского и женского пола. Сама София есть воплощение принципа соединения, архетипа единства (*unio mystica*, “всеединство”)...» [3. С. 221]. У Вяч. Иванова глубже всего этот религиозно-философский мотив представлен в эссе «Ты еси» (1907) и «Анима» (1935), но его появление, разработка и трансформация намечаются в поэтических опытах на рубеже веков.

С мотивом воссоединения в поэзии Иванова связана платоновско-дантовская космологическая традиция. Традиция Данте и Платона в его творчестве уже рассматривалась в ряде работ [4–6]. Ее изучение показало плодотворность подходов и необходимость принять во внимание платоновскую и соловьевскую мифологию Эроса, смысл которой Иванов в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1910) определял как преодоление смерти. Платоновско-соловьевская мифология с опорой на дантовскую традицию привела к формированию жизнетворческого мифа Иванова, в котором его жена – Л.Д. Зиновьева-Аннибал – воспринималась как его мистическое андрогинное Я. Показательно признание Зиновьевой-Аннибал, сделанное в письме к Иванову от 21 июня 1896 г.: «В нас одна душа, одна кровь течет» [7. Т. 1. С. 390]. О роли биографического фактора в теории мистической философии любви Иванова уже писали исследователи [8, 9], затрагивая проблему влияния Данте, Платона и Соловьева [4, 10–11]. Вместе с тем платоновский мотив воссоединения душ в поэзии Иванова, отсылающий к различным философским и литературным традициям, еще мало изучен.

² Вяч. Иванов писал: «Человек <...> должен сам найти свое другое, как точку опоры, – должен действием любви и той веры, которая уже заключается в любви и ее обуславливает, обрести свое ты еси. Восходя, как наставляет Платон, по ступеням любви, он учится открывать на каждой новой ступени в любимом все большее причастие бытию истинному и через то вырастает в бытии сам, приобщаясь ему от любимого, – пока, в своем алкании безусловного бытия в другом существе, не узнает несказанным возгорением своего сердца Единого Возлюбленного, объемлющего, утверждающего и спасающего в себе все другие любви, и не причастится от Него истинному богосыновству» [2. С. 248].

Например, стихотворение «Лунные розы» из книги Иванова «Кормчие звезды» имеет эпитаф из баллады Гете «Коринфская невеста»: «Ach, die Erde kühlt die Liebe nicht!»³ и может быть связано с традициями «Гимнов к ночи» Новалиса, которые переводил Иванов, и с балладой В.А. Жуковского «Эолова арфа», где в финале создан неповторимый образ двух слившихся теней. Соединение возлюбленных «за гробом» представлено в стихотворении Иванова «Лунные розы», как и у Жуковского, образом двух бесплотных слившихся теней: «И сплелись над пустынной могилой, / И скользят по серебристым росам – И, четой отделясь легкокрылой, / Понеслись к усыпленным лесам...» [12. С. 564]. Подобный образ встречается в «Божественной комедии» Данте, где в первом круге Ада обречены блуждать тени Паоло и Франчески: « „Поэт“, я начал, „мысль моя невольно / Устремлена к чете, парящей там, / С которой вихрь так мчится произвольно“» [13. С. 30].

Мотив воссоединения и полета душ возлюбленных в книге Иванова «Кормчие звезды» глубже всего воплощен в стихотворении «Зеркало Эроса», имеющем эпитаф из сонета английского поэта-праерафаэлиты Д.Г. Россетти, и в сонете «Любовь», которые связаны внутренними перекличками не только с традициями Данте, Гете, Новалиса и Жуковского, но и со стихотворением «Пламенники» из этой же книги. Эпитафом к «Пламенникам» служат строки из одноименного романа Зиновьевой-Аннибал, который не был опубликован⁴: «Будет мир, подобный миру светлых духов, ликующих каждый своим отдельным ярым порывом. Ярою любовью ликуют они в красоте блистающих, горящих жизнью миров, – любовью к одному Солнцу, к одному Богу-началу; и в той любви сливаются одинокие порывы и возвращаются к началу – Богу, источнику любви. То – новый мир и новый круговорот любви, и тому я скажу – Да, и тем Да то будет» [12. С. 548].

Опубликованная переписка Иванова и Зиновьевой-Аннибал очень важна для понимания биографической основы создания ряда стихотворений из книги «Кормчие звезды», и прежде всего цикла «Thalassia», куда входит стихотворение «Зеркало Эроса». Некоторые стихотворения из этого цикла были созданы в знаменательный «лондонский» период жизни и творчества поэта. В Лондоне Иванов и Зиновьева-Аннибал жили в 1899–1900 гг., как пишут исследователи «лондонского эпизода» их жизни, указывая на знакомство русского поэта в этот период с английской поэзией [14. С. 247–248; 253]. Сонет «Любовь», по свидетельству биографов, был написан раньше, но не позднее 1898 г. [15]. Кроме того, важную роль сыграл интерес Иванова и русских символистов к праерафаэлитскому движению в Англии.

Россетти был главной фигурой английского праерафаэлитского движения, представленного творчеством Дж. Миллеса (1829–1896), У. Ханта

³ Ах! И земля не остужает любви (*нем.*) [12. С. 862].

⁴ Историю публикации скандально известного сочинения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал см. в книге Н.А. Богомолова [8. С. 12–16].

(1827–1910), У. Морриса (1834–1896), Э. Бёрн-Джонса (1833–1898) и др. Современница Иванова З.А. Венгерова дала анализ его живописи и поэзии как уникальному синтезу искусств, осуществленному на основе идеи мистической любви. Она писала о платонизме Россетти, который выражается в стремлении через земной образ передать высшую идею [16. С. 214]. Иванов был хорошо знаком с творчеством поэтов и художников-праерафаэлитов как одним из источников русского символизма. Показательно, что в статье «Две стихии в современном символизме» (1908), разрабатывая теорию символа и отмечая в поэзии символизма отражение высших состояний мистического сознания, он указал на праерафаэлитское братство, открывшее, по его мнению, «предчувствие нового откровения явной тайны о внутренней жизни мира» [17. С. 551]. Иванов пишет, что «реализм, романтизм и праерафаэлитское братство – оба эти потока влились в жилы современного символизма и сделали его явлением гибридным, двуликим», т.е. основанным на борьбе противоборствующих начал [17. С. 551–552].

На рубеже веков большой интерес к живописи и поэзии праерафаэлитов испытывали многие современники Иванова, и прежде всего Н. Минский, В. Брюсов, З. Венгерова, А. Бенуа, С. Соловьев, А. Блок, Эллис, Андрей Белый, о чем писали исследователи [18–20]. Благодаря публикациям З.А. Венгеровой о праерафаэлитах [16, 21–23], работам А. Бенуа [24] уже в 1890-е гг. в русском символизме возникает устойчивый интерес к праерафаэлитскому движению. Это явление отметил Брюсов, считавший творчество праерафаэлитов одним из источников русского символизма, а картину Россетти «Прозерпина» выражением идеала нового искусства [25. С. 270–271]⁵.

Сонеты Россетти вошли в его сборник «Ballad and Sonnets» (London: Chiswick Press, Wittingham and Co., 1881). Мистическая история рукописи была известна современникам поэта: после смерти своей возлюбленной – поэтессы и художницы Элизабет Сиддал (1829–1862), которая была его музой и моделью в живописи, он положил неизданные сонеты, посвященные ей, написанные в традициях «Новой жизни» Данте, в ее могилу. Впоследствии они были опубликованы. Их отличительная особенность – платонизм, развитие мистических тем любви и смерти, воплощение сновидческих состояний, как пишут исследователи [27, 28]. Россетти писал сонеты как развитие живописных тем своих картин, а сонеты рождали идеи и образы полотен. Это было создание новой визуальности в поэзии как результат «двойного зрения» – принципа, восходящего к творчеству Данте Алигьери.

Данте, как известно, был знаковой фигурой для Иванова: существует ряд специальных работ, посвященных этой проблеме [4–5, 10, 29]. Значение Россетти могло определяться тем, что живопись и поэзия английского художника были проводниками идей и образов Данте, как пишут исследо-

⁵ М.М. Бахтин считал, что культура Возрождения преломилась в творчестве Брюсова сквозь призму праерафаэлитских традиций [26. С. 318]. Брюсов переводил стихотворения сестры Д.Г. Россетти – Кристины Россетти.

ватели [22. С. 23, 27, 30]. На влияние Данте, проявившееся в поэзии и живописи Россетти, указывала в своих публикациях Венгерова. От Данте у него принцип припоминания, пишет она, «как будто просветленная и примиренная душа с грустью вспоминает свои прежние страдания и освещает их познанным ею светом» [22. С. 25]. Дантовский слой его поэзии воспринимался ею как «возрожденное христианство», его стиль определялся как мистический реализм [21. С. 124]. Россетти переводил и иллюстрировал «Новую жизнь» Данте⁶ и создал иллюстрации и цикл картин по мотивам «Божественной Комедии» («Paolo and Francesca», «Francesca da Rimini») ⁷, а также написал ряд полотен на темы видений Данте, например «Dantis Amor», «The Meeting of Dante and Beatrice in Paradise» и др.⁸ Под влиянием Данте написаны многие сонеты Россетти из его книги «Дом жизни»⁹.

Исследователи уже указывали на прочтение Данте Ивановым и русскими символистами через философию В.С. Соловьева [4, 33]. В.В. Полонский, исследуя эту традицию, пишет: «Своим своеобразием русская рецепция наследия Данте на рубеже веков обязана в первую очередь опыту Вл. Соловьёва. Его софиология не только стремилась адаптировать запечатленную в “Новой жизни” и “Комедии” мистическую эротологию в качестве своего метафорического языка, но и предопределила господствующий тип прочтения Данте следующим поколением русской художественной интеллигенции» [33. С. 112]. П. Дэвидсон, исследуя биографический контекст мистической философии любви у Иванова, пишет, что она сформировалась под влиянием Данте и Соловьева и стала фокусом преломления дионисийской теории [4. С. 100–110]. В статье «О границах искусства» (1913), анализируя сонет из «Новой жизни» Данте, Иванов писал, что «нет сомнения в том, что Данте был и человек глубокой душевной жизни, и художник великий. <...> Не представляет ли собою описанный им экстаз одного из высочайших подъемов его духа в такую область сверхчувственного сознания, откуда человек не возвращается не обогащенный плодами этого подъема, который отмечает собой его остальную жизнь, как неизгладимое и решительное событие?» [17. С. 629].

В списке книг, принадлежащих Иванову, имеется сборник Д.Г. Россетти «Баллады и сонеты» («Ballads and sonnets», 1881) [34. С. 326]¹⁰. Этим сборником Иванов очень дорожил. «Сижу сегодня, Радость Лиля, тихо-тихо дома с книжками: вот мой день. <...> Жаль, не со мной стихотворе-

⁶ Известны его иллюстрации к сонетам из «Новой жизни» Данте: «Boat of Love», «Dante's Dream», «Salutatio Beatricis», «Beata Beatrix». См., например, в кн. [31].

⁷ См. там же.

⁸ Об этом подробнее см.: [32. Р. 156–161].

⁹ О дантовском цикле и его роли в судьбе Россетти писали его современники [27. С. 16–19].

¹⁰ Среди книг Вяч. Иванова есть также сочинения идеолога прерафаэлитского движения Дж. Рескина «Pre-Raphaelitism» (без даты) и «Morning in Florence» (1907) [34. С. 326, 329].

ния D.G. Rossetti. Пришли», – писал он Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 26–28 января 1902 г. из Афин [35. Т. 2. С. 184].

Судя по тексту письма, стихотворения Россетти были хорошо знакомы поэту. Находим цитату из самого сокровенного цикла Россетти – «Ивовая роща» («Willowwood»), состоящего из четырех сонетов, в стихотворении Иванова «Пути Эроса». Строки второго сонета Россетти выполняют функцию эпиграфа, в них воплощен мотив воссоединения двух душ: «While fast together, alive from the abyss / Clung the soul-wrung implacable close kiss» (D.-G. Rossetti) [12. С. 591]. В переводе биографа и редактора собрания сочинений Иванова О.А. Шор (Дешарт) читаем: «Доколь они были тесно вместе, живые над бездной, уста их единились в исторгнутом из души, неумолимо-слитом лобзании» [Там же. С. 862]. Как можно убедиться на основе сравнения приведенной выше цитаты из «Ада» «Божественной комедии» Данте, сонеты Россетти основаны на развертывании дантовского интертекста.

Цикл «Ивовая роща» Россетти был хорошо известен современникам Иванова. Уже в конце XIX в. его неоднократно цитирует Венгерова [16. С. 223, 22. С. 43–44]. Она пишет: «Особенно красиво это странное сочетание искренней печали и отраженного счастья в четырех сонетах, озаглавленных “Willowwood” (Ивовая роща)» [22. С. 43]. По ее мнению, основная тема сонетов – любовь, воплощающая душу природы, и этим обусловлен сложный мистицизм образов. Ею сделан почти дословный пересказ сонетов: «Поэт сидит над озером, думая об умершей возлюбленной; он не решается взглянуть на ангела любви, сидящего рядом с ним, и встречает его тихий взор только в отражении волны, – тогда глаза ангела и ровный плеск воды кажутся ему глазами и голосом возлюбленной; он вновь соединен с ней силой их взаимной, не нарушенной смертью любви, он счастлив, глядя на ее мнимое отражение в озере. <...>. <...> прильнув к отражению лица возлюбленной, он пьет “ее дыхание, ее слезы, ее душу”. С участием и благословением во взоре ангел любви склоняется низко над водой и осеняет своим ореолом соединенных на мгновение любящих» [22. С. 43–44].

В первом сонете Россетти намечается тема зарождения любви, поэт и Эрот склонились над ручьем – зеркалом любви. Их отражение в воде повторяется в глазах Эрота, приоткрывается тайна любовного союза. Во втором сонете в песне Эрота звучат души, изображенные как скользящие в сумраке тени: «And I was made aware of a dumb throng/ That stood aloof, one form by every tree./ All mournful forms, for each was I or she, / The shades of those our days that had no tongue» [36. С. 127]¹¹. Этот второй сонет воплощает дантовский визуальный образ двух теней Паоло и Франчески, кото-

¹¹ См.: И видел тени я между сплетений

Нагих дерев, у каждого – одна,

И тени были: я или она, –

Тех наших дней, речь не обретших, тени (пер. В. Савина) [36. С. 126].

рые «во тьме друг к другу льнули нежно, // Сомкнув уста, стая безнадежно»¹².

В цикле Россетти изложена не просто история запретной любви Паоло и Франчески, скорбные тени которых блуждают в Аду у Данте, а создана иллюзия странствий разделенных смертью душ возлюбленных. В заключительном сонете цикла английский поэт создает образ «уплывающей в сумерки» возлюбленной: «Себя не помня, я к воде приник / Там, где исчез ее прелестный лик, / Ее душа и слезы и дыханье: / И надо мной – я слышал, как сквозь сон, – / Эрот, вздохнув, исторг печальный стон / И наши лица погрузил в сиянье» [36. С. 130]¹³. Поэтика зеркальности присуща поэзии Россетти, но она осложнена темой соединения двух любящих высшим третьим (ангелом, зеркалом воды, душой природы). Символика зеркала для Иванова также является конструктивным приемом поэтики уже в его первой книге стихов «Кормчие звезды». Исследователи связывают ее с трансформацией мифопоэтической символики Платона [37. С. 123]. З.Г. Минц и Г.В. Обатнин в своей статье указывают, что андрогинный образ Эроса в сонете «Любовь» – это «разнообразные уподобления двух любящих», они «зрительно представимы как части неких эмблематических фигур; части эти зеркально симметричны, или, что то же самое, “отражаются” друг в друге» [37. С. 126]. Прием взаимоотражения возлюбленных друг в друге, присущий Россетти, мог быть источником этого мотива у Иванова в стихотворении «Зеркало Эроса» и сонете «Любовь». Не последнюю роль здесь могли сыграть и живописные образы картин Россетти.

Поэтический цикл Россетти «Ивовая роща» соотносится с его мистическим живописным триптихом «Паоло и Франческа да Римини» («Paolo and Francesca da Rimini») (1862)¹⁴. Первая часть триптиха воспроизводит образ запретного поцелуя Паоло и Франчески, вторая – Данте и Вергилия, видящих тени Паоло и Франчески в аду, третья – андрогинный образ двух возлюбленных среди языков пламени. Стихотворению Иванова созвучна живописная композиция из триптиха Россетти, где прильнувшие друг к другу возлюбленные изображены в вихре пламени. Андрогинный образ возлюбленных трансформируется в видение полета душ, уносимых вожатым – Эросом. В стихотворении Иванова «Зеркало Эроса» читаем: «Куда, куда / По сизым грядам, / Пугливый рой / Доверчивых крыл?» [12. С. 592]. Образ летящих крылатых возлюбленных – визуальный символ в поэтическом тексте. Это образ андрогинности как символ зеркала Эроса: «Рука с рукой, / С устами уста...», «Слиты на миг, / Глядим в немую / Вечность очей – / Бессмертную, вечную вечность... » [12. С. 592].

Мотив воссоединения и полета душ является доминирующим и в сонете «Любовь» Иванова из его книги «Кормчие звезды»:

¹² Перевод В. Савина [36. С. 126]. Ср. с переводом Вламеса: «Пока превозмогая полный мрак, / Наш поцелуй надрывный не иссяк» [36. С. 543].

¹³ Цит. по переводу В. Савина.

¹⁴ См. [32. С. 30].

Мы – два грозой зажженные стволы,
Два пламени полуночного бора;
Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы – два коня, чьи держит удила
Одна рука, – одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы – двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почитет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы – Сфинкс единый оба.
Мы – две руки единого креста [12. С. 610–611].

В переписке Иванова и его жены сохранилось ироническое обыгрывание числового символизма этого сонета: повторение ключевого слова «два» в письме от 17/4 мая 1900 г. [11. Т. 1. С. 659]¹⁵. В книге «*Cor ardens*» этот сонет становится магистралом «Венка сонетов», что говорит о его исключительной значимости для развития этой темы¹⁶.

Сонет, безусловно, отсылает к традиции Данте. Показательны, например, переводы Ивановым двух сонетов из «Новой жизни», опубликованные П. Дэвидсон [4. С. 238–239]. Один из них имеет числовую символику¹⁷. Вместе с тем ивановский сонет «Любовь» мог иметь своим источником и сонеты Россетти из его книги «Дом жизни». Мотив соединения душ показателен для многих сонетов этой книги, например: «*Nuptial Sleep*» (Брачный сон), «*The Kiss*» (Поцелуй), «*Love's Lovers*» (Возлюбленные любви), «*The Lovers' Walk*» (Прогулка влюбленных), «*The Birth-Bond*» (Единокровные) и др. В сонете «Любовь» у Иванова, как и у Россетти, воплощается тема мистического единения двух душ высшим божественным третьим.

О близости мистического мотива единения / разделения душ в стихотворениях Иванова и Россетти говорят и другие произведения. Приведем в

¹⁵ Вяч. Иванов и Зиновьева-Аннибал писали М.М. Замятниной в связи с общим простудным заболеванием: «Жаль, что в сонете только 14 строк полагается; прибавить разве к тому моему сонету, на старинный манер, “хвост” (coda), в котором заявить, что мы не только два ока, два крыла...» [7. Т. 1. С. 659].

¹⁶ См. его первую публикацию [38].

¹⁷ Любовь и сердце высшее – одно:

Был прав мудрец, сих слов провозвеститель –
С душой разумной разум разлучить иль?
Не разлучить и тех двоих равно [4. С. 238].

качестве примера XL сонет Россетти «Severed Selves» (Разделенные души) [36. С. 107] и сравним с дословным его переводом:

Two separate divided silences
Which, brought together, would find loving voice;
Two glances which together would rejoice
In love, now lost like stars beyond dark trees;
Two hands apart whose touch alone gives ease;
Two bosoms which, heart-shrined with mutual flame,
Would, meeting in one clasp, be made the same;
Two souls, the shores wave-mocked of Sundering seas:

Две отдельные разъединенные немоты,
Которые, соединившись, найдут любящий голос;
Два взгляда, которые вместе бы возрадовались
В любви, теперь затеряны как звезды за темными деревьями;
Две разъединенные руки, которым будет легче от соприкосновения
Две груди, в которых святыня сердца с горящим пламенем,
Соединились бы мгновенно, стали одним;
– Две души, два берега, дразнимые бушующим морем: –

Such are we now. Ah! May our hope forecast
Indeed one hour again, when on this stream
Of darkened love once more the light shall gleam? –
An hour how slow to come, how quickly past, –
Which blooms and fades, and only leaves at last,
Faint as shed flowers, the attenuated dream.

Таковы мы сейчас. О! Пусть наша надежда предскажет
Еще один час, когда на этом потоке
Потемневшей любви еще раз блеснет свет?
Как медленно приходит час, как быстро проходит, –
Который цветет и увядает, и только в конце концов листья
Трепещут, как опавшие цветы, как смутные мечты¹⁸.

И сонет «Любовь» Иванова, и сонет Россетти «Разделенные души» отличает символизм мистически трактуемых чисел «один» и «два». Сонет Иванова – это полемический ответ, концептуально обыгрывающий платоновскую мистическую андрогинную тему. Но если Россетти пишет о трагедии «разлученных» или «разделенных» душ, которые не в силах воссоединиться, то Иванов отвечает ему визионерным образом платоновского единения двух душ, развивая мотив мистического воссоединения – *unio mystica*.

Внимание русского символиста к поэзии Россетти и Данте могло действовать на принципы создания им воображаемой мифопоэтической

¹⁸ Ср. с художественным переводом А. Круглова, делающего акцент на андрогинной сущности образов [39. С. 109].

картины, строящейся на основе узнаваемых приемов или ассоциаций. Имагинативный образ доступен в духовном зрении, как у Данте, о чем Иванов писал в статье «О границах искусства». Подобный образ может существовать в форме экфрасиса, экфрастической интенции, экфрасиса «в свернутом виде», экфрастического импульса. Эти типы экфрасиса в творчестве Иванова выделяет М. Цимборска-Лебода [40. С. 55]. Экфрастическая интенция способствует созданию иллюзионистического образа, т.е. образа, существующего в памяти и развиваемого в воображении. Он может быть трансмедиальным как вариация одного и того же живописного сюжета или мотива или трансформационным, так как речь идет о трансформации языков одного языка искусства в тексте другого и взаимодействии языков медиа. Поэтому в стихотворении Иванова продолжается развитие ассоциаций, идущих из разных источников. Например, первая часть стихотворения «Зеркало Эроса» – это пейзаж, но он не озерный или речной, как у Россетти, а морской и космический в духе романтиков или «Острова смерти» А. Беклина (утесы смерти, ладья, образы кипарисов): «И остров вершинный / Плывет в озареньи – / Эфирный дом / Надежд светлоликих, / Элизий плена» [12. С. 592].

Таким образом, мотив полета становится символом мистического воссоединения душ в мифопоэтике Иванова. Поэт цитирует сонет Россетти в эпиграфе стихотворения «Зеркало Эроса» и стремится воссоздать воображаемую им картину на основе принципа ассоциаций, основанных на включении иллюзионистических образов в поле традиций Платона, Данте, Россетти. Своеобразие этого мотива у Иванова заключается в том, что в книге «Кормчие звезды» он трансформирует платоновский мотив «загробного» единения душ, присущий поэзии Данте и Россетти, в мотив вечной жизни и торжествующей любви. Эпиграф-интертекст из сонета Россетти как форма «памяти в тексте» создает множественные отсылки, связанные с культурфилософией автора¹⁹, формирует вектор создания интерпретаций, возникающих в сознании читателя. Но эпиграф становится основой не только текстопорождающего принципа, но и интермедиальной поэтики, основанной на принципе визуальности. Поэтому стихотворение «Зеркало Эроса» в поэтике книги Иванова – текст, созданный как иллюзорное декоративное пространство воображаемой картины. Здесь осуществилась, как в поэзии В.А. Жуковского, «визуальная трансформация поэтического литературного сюжета» через связку ассоциаций «поэзия» – «видение» – «картина» и наоборот: «картина» – «видение» – «поэзия»²⁰. Стихотворение отличает наличие зрительных ракурсов, объединенных мотивом соединения душ как преодоления плена земной жизни и смерти. Развитие этого мотива в мифопоэтике Иванова способствует созданию особых пространственно-временных образов (*земля / небо / космос и вечность*) с присущими им он-

¹⁹ О роли памяти в развитии интертекста см. в книге Р. Лахманн [41. С. 9].

²⁰ Об этом принципе подробнее см. в статье О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича [42. С. 130].

тологическими характеристиками, открывающимися только в мышлении о бытии (*от реального – к реальнейшему*), поэтому показателен числовой символизм. Число понимается как сущность образа. Текст стихотворений Иванова создается как палимпсест, отсылающий ко многим традициям на основе архетипических образов, восходящих к платоновской традиции.

Литература

1. Ханзен-Леви А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб. : Академический проект, 1999. 512 с.
2. Иванов Вяч. Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. 896 с.
3. Ханзен-Леви А. Русский символизм. Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. СПб. : Академический проект, 2003. 816 с.
4. Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989. 320 p.
5. Асоян А.А. Данте и русская литература. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 121–143.
6. Устинова В.А. Традиции Платона и Данте в поэтическом сознании Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*. 2002: 2. Vol. 21. С. 321–338.
7. Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал: Переписка: 1894–1903. М. : Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.
8. Богомолов Н.А. Вяч. Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М. : Изд-во Кулагиной-Intrada, 2009.
9. Обатнин Г.В. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова (1907–1919)). М. : Новое литературное обозрение, 2000.
10. Шишкин А.Б. «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова: К теме «Иванов и Данте» // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 333–352.
11. Цимборска-Лебода М. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004.
12. Иванов Вяч. Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. I. 872 с.
13. Данте Алигьери. Божественная комедия. Ч. 1: Ад. В переводе русских писателей. СПб., 1897.
14. Кружков Г. «Мы – двух теней скорбящая чета»: Лондонский эпизод 1899 года по письмам Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 235–260.
15. Шишкин А.Б. Краткая летопись жизни и творчества Вяч. Иванова. 2011. URL: http://www.v-ivanov.it/o_vyach_ivanove/letopis_zhizni_i_tvorchestva/ (дата обращения: 4.09.2017).
16. Венгерова З.А. Новые течения в английском искусстве // Вестник Европы. 1895. № 5. С. 192–235.
17. Иванов Вяч. Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. 852 с.
18. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 106–110.
19. Титаренко С.Д. Блок и прерафаэлиты: (О некоторых визуальных источниках и природе трансформаций архетипического образа Вечной Женственности) // Александр Блок: Исследования и материалы. М., 2011. <Т. 4>. С. 113–141.
20. Познанская А. Прерафаэлиты в России // Прерафаэлиты. Викторианский авангард. Из собрания галереи Тейт, коллекций Великобритании и США. М., 2013. С. 180–187.

21. Воронов З. <Венгерова З.А.> Прерафаэлитское движение в Англии // Северный вестник. 1896. № 4, отд. 1. С. 109–130.
22. Венгерова З.А. Литературные характеристики. СПб., 1897. Кн. 1.
23. Венгерова З.А. Поэт-художник. Данте Габриэль Россетти // Новый мир. 1900. № 47. С. 446–447.
24. Проскурякова М.А. Творчество прерафаэлитов в оценке А. Бенуа // Uropean Social Science Journal. 2012. № 1 (17). С. 358–362.
25. Брюсов В.Я. К истории символизма // Литературное наследство. М. : Наука, 1937. Т. 27–28. С. 268–274.
26. Бахтин М.М. Вячеслав Иванов // Собр. соч. М., 2000. Т. 2. С. 318–328.
27. Hueffer F. Memoir of Dante Gabriel Rossetti // Rossetti D.G. Ballads and Sonnets in one volume. Leipzig, 1882. P. 7–24.
28. Соколова Н.И. Творчество Д.Г. Россетти в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии. М. : Московский пед. гос. ун-т, 1995.
29. Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 162–205.
30. Соколова Н.И. Данте и Д.Г. Россетти // Англия и Россия: Диалог двух культур. Теоретические проблемы литературных связей. Воронеж, 1994. С. 130–145.
31. *La vita nuova* : (The new life) / by Dante Alighieri; translated and illustrated by photogravures after paintings by Dante Gabriel Rossetti; with the fifth canto of Dante's *Inferno* ; [translated by H.W. Longfellow], and Rossetti's two illustrations thereto. London : G. Routledge & Sons, [191?].
32. Treuherz J., Prettejohn E., Becker E. Dante Gabriel Rossetti. With 190 illustrations, 140 in colour. N.Y. : Thames & Hudson, 2003.
33. Полонский В.В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: Опыт рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 37. С. 111–130.
34. Обатнин Г.В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Euroa Orientalis*. 2002: 2. Vol. 21. P. 261–343.
35. Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал: Переписка: 1894–1903. М. : Новое литературное обозрение, 2009. Т. 2. 568 с.
36. Россетти Д.Г. Дом Жизни = The House of Life: Поэзия, проза [на рус. и англ. яз.] / пер. с англ. СПб. : Азбука-классика, 2005. 558 с.
37. Миц З.Г., Обатнин Г.В. Символика зеркала в ранней поэзии Вяч. Иванова: (Сборники «Кормчие звезды», «Прозрачность») // Миц З.Г. Блок и русский символизм: избр. тр. : в 3 кн. СПб., 2004. Т. 3. С. 123–128.
38. Иванов Вяч. Венок сонетов: Из книги «Любовь и Смерть». Посвящается Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Аполлон. 1910. № 5 (февраль). С. 65–73.
39. Поэтический мир прерафаэлитов: Новые переводы = The Poetic World of Pre-Raphaelites. New Translations. М. : Центр книги Рудомино, 2013. 372 с.
40. Цимборска-Лебода М. Экфрасис в творчестве Вяч. Иванова // Экфрасис в русской литературе: Тр. Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 53–70.
41. Лахманн Р. Память и литература: Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX веков. СПб. : Петрополис, 2011. 400 с.
42. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и А.В. Никитенко о Сикстинской мадонне Рафаэля: типология экфрасиса как репрезентант эстетического сознания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 124–151.

DANTE GABRIEL ROSSETTI AND VYACHESLAV IVANOV: PLATO'S MOTIVE OF SOULS REUNION AND INTERMEDIAL POETICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 216–230. DOI: 10.17223/19986645/52/13

Svetlana D. Titarenko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svet_titarenko@mail.ru

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Dante Gabriel Rossetti, Plato's philosophy, motive of souls reunion, English Pre-Raphaelites, Russian Symbolism, Dante Alighieri, Soloviev's philosophy, intermediality, mythopoetics.

The article is devoted to the problem of studying Russian symbolism mythopoetics, and it can be used for future studies of the philosophical motives in Russian literature of the Silver Age. It is based on the analysis of Plato's androgynous motive of two souls reunion in the works of the poet and theorist of Russian symbolism Vyacheslav Ivanov (1866–1949). This philosophical motive can be seen in his first book of poems *Pilot Stars* (1903), and it has a polygenetic nature. According to the article, the sources for the motive are not only philosophies of Plato and Vladimir Soloviev but also poetry of Dante, Goethe, Novalis and Zhukovsky. The English poet and Pre-Raphaelite artist Dante Gabriel Rossetti (1828–1882) was influenced by Plato and Dante, and his works became the source for using the motive in Ivanov's poetry. The problem "Ivanov and Rossetti" needs a special consideration, as it is an important problem for modern comparative studies and history of Russian literature. Ivanov's poem "The Mirror of Eros" from the book *Pilot Stars* is in the centre of the article. Ivanov used an epigraph from Rossetti's sonnet, and Rossetti's poems are considered to be a source for Ivanov. The article also studies facts from Ivanov's biography and the so-called "London episode" of his life in 1899–1900, his correspondence with Lidia Zinovieva-Annibal, books from his private library, influence of V.S. Soloviev's philosophy and the meaning of Pre-Raphaelites for Russian Symbolism. The article describes common sources of the theory of the mystic love for Rossetti and Ivanov: Plato's philosophy and works by Dante Alighieri. The influence of Russian religious philosophy on aesthetic and cultural projects of the Silver Age is also studied in the article. The author of the article reveals the phenomenon of universalization of the creative mind, which includes the metaphysical and mythopoetic discourses of the poetic thinking. The androgynous motive of souls reunion in the cycle of Rossetti's sonnets "Willowwood" and his sonnet "Severed Selves" are analysed in the article. The transformation of this motive is studied in Ivanov's poem "The Mirror of Eros". A hypothesis is made that Ivanov's sonnet "Love" could have been created under the influence of Rossetti's poetry. The article also describes the intermedial nature of Ivanov's and Rossetti's poetry. Intermediality is considered as the principle of interaction between the languages of painting and poetry in Ivanov's works. The article demonstrates that the basis of the symbolic language in the poems by Ivanov is images of Rossetti's poetry and paintings. The article shows how the poetic thinking of the symbolist poet correlates with the philosophic and aesthetic principles of Rossetti's works. It is proved that the poems by the symbolist poet have a polygenetic character and they refer to the traditions of Plato, Dante, Soloviev, Rossetti and others at the same time. A conclusion is made that Rossetti's works could have influenced greatly on the formation of the motive of souls reunion in the poetry of Ivanov.

References

1. Hansen-Love, O.A. (1999) *Russkiy simvolizm: Sistema poeticheskikh motivov. Ranniy simvolizm* [Russian Symbolism: A System of Poetic Motives. Early Symbolism]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
2. Ivanov, V.V. (1979) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. III. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
3. Hansen-Love, O.A. (2003) *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov: Mifopoeicheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simvolika* [Russian Symbolism. The system of poetic motifs: Mythopoetic symbolism. Space symbols]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
4. Davidson, P. (1989) *The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante*. Cambridge: Cambridge University Press.

5. Asoyan, A.A. (1989) *Dante i russkaya literatura* [Dante and Russian literature]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 121–143.
6. Ustinova, V.A. (2002) Traditsii Platona i Dante v poeticheskom soznanii Vyacheslava Ivanova [The traditions of Plato and Dante in the poetic consciousness of Vyacheslav Ivanov]. *Europa Orientalis*. XXI:2. pp. 321–338.
7. Ivanov, V.V. & Zinov'eva-Annibal, L. (2009) *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Bogomolov, N.A. (2009) *Vyach. Ivanov v 1903-1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary chronicles]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy-Intrada.
9. Obatnin, G.V. (2000) *Ivanov-mistik (Okkul'tnye motivy v poezii i proze Vyach. Ivanova (1907–1919))* [Ivanov the mystic (Occult motifs in poetry and prose of Vyacheslav Ivanov (1907–1919))]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Shishkin, A.B. (1996) “Plameneyushchee serdtse” v poezii Vyacheslava Ivanova: K teme “Ivanov i Dante” [“Flaming Heart” in the poetry of Vyacheslav Ivanov: To the theme “Ivanov and Dante”]. In: Keldysh, V.A. & Koretskaya, I.V. (eds) *Vyacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniya* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Research]. Moscow: Nasledie.
11. Tsimborska-Leboda, M. (2004) *Eros v tvorchestve Vyacheslava Ivanova: Na puti k filosofii lyubvi* [Eros in the works of Vyacheslav Ivanov: Towards a philosophy of love]. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers.
12. Ivanov, V.V. (1971) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. I. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
13. Dante Alighieri. (1897) *Bozhestvennaya komediya. Ch. I. Ad. V perevode russkikh pisateley* [The Divine Comedy. Part I. Inferno. In the translation of Russian writers]. St. Petersburg: Izd. Glazunova.
14. Kruzhkov, G. (2000) “My – dvukh teney skorbyashchaya cheta”: Londonskiy epizod 1899 goda po pis'mam Vyach. Ivanova i L.D. Zinov'evoy-Annibal [“We are a grieving couple of two shadows”: London episode of 1899 by letters of Vyacheslav Ivanov and L.D. Zinovieva-Annibal]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 43. pp. 235–260.
15. Shishkin, A.B. (2011) *Kratkaya letopis' zhizni i tvorchestva Vyach. Ivanova* [A brief chronicle of life and works Vyach. Ivanov]. [Online] Available from: http://www.v-ivanov.it/o_vyach_ivanove/letopis_zhizni_i_tvorchestva/. (Accessed: 4th September 2017).
16. Vengerova, Z.A. (1895) *Novye techeniya v angliyskom iskusstve* [New trends in the English art]. *Vestnik Evropy*. 5. pp. 192–235.
17. Ivanov, V.V. (1971) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. II. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
18. Zhatkin, D.N. (2015) Dante Gabriel Rossetti and the Silver century of Russian literature (A.A. Blok, members of the literary society Argonavt). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 10. pp. 106–110. (In Russian).
19. Titarenko, S.D. (2011) Blok i preraphaelity (O nekotorykh vizual'nykh istochnikakh i prirode transformatsiy arkhetypicheskogo obraza Vechnoy Zhenstvennosti) [Blok and Pre-Raphaelites (On some visual sources and the nature of transformations of the archetypal image of the Eternal Femininity)]. In: Grykalova, N.Yu. (ed.) *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok. Research and materials]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
20. Poznanskaya, A. (2013) Preraphaelity v Rossii [Pre-Raphaelites in Russia]. In: *Preraphaelity. Viktorianskiy avangard [Pre-Raphaelites. Victorian Avantgarde]*. Moscow: GMII im. A.S. Pushkina.
21. Voronov, Z. <Vengerova, Z.A.> (1896) Preraphaelitskoe dvizhenie v Anglii [Pre-Raphaelite movement in England]. *Severnyy vestnik*. 4:1. pp. 109–130.
22. Vengerova, Z.A. (1897) *Literaturnye kharakteristiki* [Literary characteristics]. Book 1. St. Petersburg: Tip. A. E. Vineke.
23. Vengerova, Z.A. (1900) Poet-khudozhnik. Dante Gabriel' Rossetti [Poet-artist. Dante Gabriel Rossetti]. *Novyy mir*. 47. pp. 446–447.
24. Proskuryakova, M.A. (2012) Pre-Raphaelite creativity by A.N. Benois. *European Social Science Journal*. 1 (17). pp. 358–362.

25. Bryusov, V.Ya. (1937) K istorii simvolizma [To the history of symbolism]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vols 27–28. Moscow: Zhur.-gaz. ob'edinenie.
26. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari. pp. 318–328.
27. Hueffer, F. (1882) Memoir of Dante Gabriel Rossetti. In: Rossetti, D.G. *Ballads and Sonnets in one volume*. Leipzig: Tauchnitz.
28. Sokolova, N. I. (1995) *Tvorchestvo D. G. Rossetti v kontekste "srednevekovogo vozrozhdeniya" v viktorianskoy Anglii* [Works of D.G. Rossetti in the context of "Medieval Renaissance" in Victorian England]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
29. Szilard, L. (2002) *Germetizm i germeneytika* [Hermeticism and hermeneutics]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha. pp. 162–205.
30. Sokolova, N.I. (1994) Dante i D.G. Rossetti [Dante and D.G. Rossetti]. In: *Angliya i Rossiya: Dialog dvukh kul'tur. Teoreticheskie problemy literaturnykh svyazey* [England and Russia: Dialogue of Two Cultures. Theoretical problems of literary connections]. Voronezh: Voronezh State University.
31. Dante Alighieri. (191?) *La vita nuova: (The new life)*. Translated and illustrated by photogravures after paintings by Dante Gabriel Rossetti; with the fifth canto of Dante's Inferno; [translated by H.W. Longfellow], and Rossetti's two illustrations thereto. London: G. Routledge & Sons.
32. Treuherz, J., Prettejohn, E. & Becker, E. (2003) *Dante Gabriel Rossetti*. New York: Thames & Hudson.
33. Polonskiy, V.V. (2015) Russian Dante in the end of the XIX – early XX c.: Classical phenomenon in reception and interpretation before and after the Revolution. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 37. pp. 111–130. (In Russian).
34. Obatnin, G.V. (2002) Materialy k opisaniyu biblioteki Vyach. Ivanova [Materials for the description of Vyacheslav Ivanov's library]. *Europa Orientalis*. XXI:2. pp. 261–343.
35. Ivanov, V.V. & Zinov'eva-Annibal, L. (2009) *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Rossetti, D.G. (2005) *Dom Zhizni = The House of Life: Poeziya, proza* [The House of Life: Poetry, prose]. Translated from English. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian & in English).
37. Mints, Z.G. & Obatnin, G.V. (2004) Simvolika zerkala v ranney poezii Vyach. Ivanova: (Sborniki "Kormchie zvezdy", Prozrachnost") [The symbolism of the mirror in the early poetry of Vyacheslav Ivanov: (Collections "Pilot Stars", "Transparency")]. In: Mints, Z.G. *Blok i russkiy simvolizm: Izbrannye trudy v 3-kh kn.* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works in 3 books]. Book 3. St. Petersburg: Iskustvo–St. Petersburg.
38. Ivanov, V. (1910) Venok sonetov: Iz knigi "Lyubov' i Smert'". Posvyashchaetsya L.D. Zinov'evoy-Annibal [Wreath of Sonnets: From the book "Love and Death". Dedicated to L.D. Zinovieva-Annibal]. *Apollon*. 5 (February). pp. 65–73.
39. Boroditskaya, M.Ya. et al. (2013) *The Poetic World of Pre-Raphaelites. New Translations*. Moscow: Tsentr knigi Rudomino. (In Russian & in English).
40. Tsimborska-Leboda, M. (2002) Ekfrasis v tvorchestve Vyach. Ivanova [Ekphrasis in works of Vyacheslav Ivanov]. In: Geller, L. (ed.) *Ekfrasis v russkoy literature* [Ekphrasis in Russian Literature]. Moscow: Izd-vo "MIK".
41. Lachmann, R. (2011) *Pamyat' i literatura. Intertekstual'nost' v russkoy literature XIX–XX vekov* [Memory and Literature. Intertextuality in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Translated from German by A.I. Zherebin. St. Petersburg: ID "Petropolis".
42. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2017) V.A. Zhukovsky and A.V. Nikitenko on Raphael's Sistine Madonna: the typology of ekphrasis as a representative of aesthetic consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 124–151. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/10